

факт вовсе не очевиден, но после Уильяма из Уэре Дуне Скот мог выйти на сцену так, чтобы в Ордене францисканцев не разразился скандал.

Однако не стоит представлять себе историю францисканской мысли таким образом, будто реформа Скота раз навсегда подавила старый бонавентуровский экземпляризм. Дуне Скот достаточно глубоко проникся духовностью св. Франциска Ассизского, чтобы всегда находить сторонников среди Мень-

ших братьев. Современник Дунса Скота, Раймунд Луллий (1235—1315), по-своему возвращается к этой теме и придает ей новые жизненные силы. Его жизнь могла бы дать великолепный сюжет для романа, но сам он подвел ей итог — столь же просто, как и точно — в своем «Диспуте между клириком и Раймундом фантазером» («Disputatio clericī et Raymundi phantastici»): «Я был женатым мужчиной, отцом семейства, хорошо обеспеченным, любвеобильным и светским. От всего этого я отказался по доброй воле, чтобы получить возможность чтить Бога, служить добрым людям и прославлять нашу святую веру. Я выучил арабский язык; я неоднократно отправлялся проповедовать сарацинам. Будучи схвачен, заключен в темницу и подвергнут бичеванию за веру, я пять лет трудился ради того, чтобы подвигнуть вождей Церкви и христианских князей на служение общему благу. Теперь я стар, теперь я беден, но я не изменил своих намерений и буду постоянен в них, если позволит Господь, до самой смерти». Так что вся эта жизнь была подчинена апостольским заботам, которые вдохновляли на творчество и Роджера Бэкона. Легенда о Раймунде Луллий — алхимике и даже, может быть, маге — не получает никакого подтверждения при изучении его жизни и произведений. Верно, что, поскольку ему приписывают по крайней мере две сотни сочинений, немногие могут похвастаться, что прочитали все; но его сочинения во многом между собой похожи, и так как Луллий часто рассказывает в них о самом себе, то довольно быстро складывается впечатление о нем как о человеке с богатым воображением (*phantasticus*) и даже получившем божественное озарение (его именовали «Просвещенный доктор — *Doctor illuminatus*»); он верит, что принял СЕое учение через Откровение от Бога, и с несколько химерическим пылом работает над распространением метода апологетики собственного изобретения, успех которого должен привести к обращению неверующих.

Глава VIII. Философия в XIII веке

350

Знаменитое «Великое искусство» («*Ars magna*») Луллия — не что иное, как изложение этого метода. Оно преимущественно состоит из таблиц, в которые основополагающие понятия вписаны таким образом, что, комбинируя друг с другом различные позиции на этих таблицах, можно механически получить все комбинации понятий, соответствующие религиозным истинам. Само собой разумеется, что когда этими таблицами пытаются воспользоваться сейчас, то сталкиваются с огромными трудностями, и нельзя не задать вопроса, был ли способен использовать их сам Луллий. Тем не менее в это приходится верить, если веришь его собственным заявлениям; впрочем, в противном случае невозможно понять настойчивость, с которой он рекомендует применять его «Великое искусство» против заблуждений авер-роистов и мусульман.

Ощущение необходимости апологетического сочинения, предназначенного для обращения неверующих, такое живое у Раймунда Луллия, никоим образом не является чисто личным и совершенно новым. Уже Раймунд Мартин в «Мече веры» («*Pugio fidei*») и св. Фома в «Сумме против язычников» («*Summa contra gentiles*») явно преследовали ту же цель. В особенности не забудем вспомнить Николая из Амьена, чье «Искусство